смена

смена

№9 СЕНТЯБРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2013

№9 сентябрь 2013

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Весной 1880 года все в Петербурге только и говорили о новой картине Архипа Куинджи. Любители живописи его уже хорошо знали, но ходили слухи, что это его полотно — действительно нечто необыкновенное. Друзья, да и просто знакомые художника изо всех сил старались попасть в его мастерскую и хотя бы одним глазком взглянуть на новое творение мастера. Среди них были И. Тургенев, Я. Полонский, Д. Менделеев, И. Крамской и даже сам великий князь Константин Константинович, который пришел от картины в такой восторг, что тут же купил ее — за весьма немалые деньги! А ведь это был тонкий, умный человек, прекрасно знавший и чувствовавший искусство.

- Ирина Опимах
  - «Лунная ночь на Днепре»

Ирина Опимах

27 января 1841 года родился
Архип Иванович Куинджи

«Лунная ночь на Днепре»

Когда картину, наконец, выставили для публики в зале Общества поощрения художников на Большой Морской, вдоль всей улицы образовалась длиннющая очередь, а вся проезжая часть тут же заполнилась каретами и пролетками. Приходилось ждать часами, чтобы увидеть ее — да, люди стояли в этой безумной очереди, чтобы взглянуть всего лишь на одно полотно! Такого в Петербурге не было со времен брюлловского «Последнего дня Помпеи»! Выставка одной картины и одного художника! Но полотно Брюллова — огромное, с множеством персонажей, а у Куинджи — совсем небольшое, скромный пейзаж — ну, подумаешь, «Лунная ночь на Днепре»! Но от этой ночи невозможно было оторвать глаз — высокое ночное небо, луна, будто только сейчас появившаяся в облаках, невероятные дали серебрящегося в лунном свете Днепра, и огоньки в белых украинских мазанках, сулящие тепло и уют…

Куинджи умел выставлять свои картины, а потому его пейзаж висел в темном помещении, где направленный луч электрического света эффектно выявлял глубину изображенного пространства. *«Что это такое?* — спрашивал потрясенный до глубины души поэт Яков Полонский. — *Картина или действительность? В золотой раме или в открытое окно видели*

мы этот месяц, эти облака, эту даль, эти дрожащие огни печальных деревень и эти переливы света, это серебристое отражение месяца в струях Днепра, огибающего даль, эту поэтическую, тихую, величавую ночь?» А Крамской писал Репину: *«Какую бурю восторгов поднял Куинджи! Вы, вероятно, уже слышали. Этакий молодец — прелесть!»* Позже, опасаясь, что краски могут потускнеть, он даже предложил составить протокол, в котором было бы засвидетельствовано, что «Лунная ночь на Днепре» в 1880 году была *«наполнена действительным светом и воздухом, река действительно совершала величественное течение, и небо было настоящее, бездонное и глубокое»*. Пришедших тогда на Большую Морскую приводила в какой-то священный восторг иллюзия настоящего света луны, и они, как свидетельствовал Репин, стояли перед полотном в «молитвенной тишине», а потом уходили со слезами на глазах: *«Так действовали поэтические чары художника на избранных верующих, и те жили в такие минуты лучшими чувствами души и наслаждались райским блаженством искусства живописи»*.

Картина возбуждала не только восторги, но и сомнения, споры. Как сумел достичь такого эффекта этот Куинджи? Такой выразительности? Почему его краски словно светятся? Кто-то говорил, что он применяет особые составы — специальную «лунную краску», другие заглядывали за картину, уверенные в том, что там скрыт источник этого удивительного сияния — лампа или фонарь. Некоторые утверждали, что он написал ее на перламутре. Были и такие, кто просто заявил: да Куинджи связался с нечистой силой! А позже возник и такой слух: мол, Архип Куинджи — вовсе не художник, а ретушер из Мариуполя, и выдает за свои картины, написанные никому неизвестным гением, которого этот злодей Куинджи убил…

Но секрет очень прост — живописное мастерство и любовь к своей земле, к родной природе. Глядя на этот пейзаж, невольно задумываешься о земном существовании и небесном мире и пытаешься найти ответы на извечные вопросы о смысле жизни, о красоте и гармонии…

В 1876 году, на Пятой выставке передвижников художник уже показывал наделавшую много шума «Украинскую ночь». Газеты тогда писали, что пейзаж этот совершенно убивает все другие картины, висящие рядом. А в 1878 году ее выставляли на Всемирной выставке в Париже, и французы, тонкие ценители живописи, сразу заметили это полотно. Лунный свет и белые украинские мазанки производили чарующее впечатление. Дюранти, один из наиболее влиятельных критиков того времени,

писал: *«Куинджи — бесспорно, самый интересный среди молодых русских живописцев. Оригинальная национальность чувствуется у него еще больше, чем у других»*.

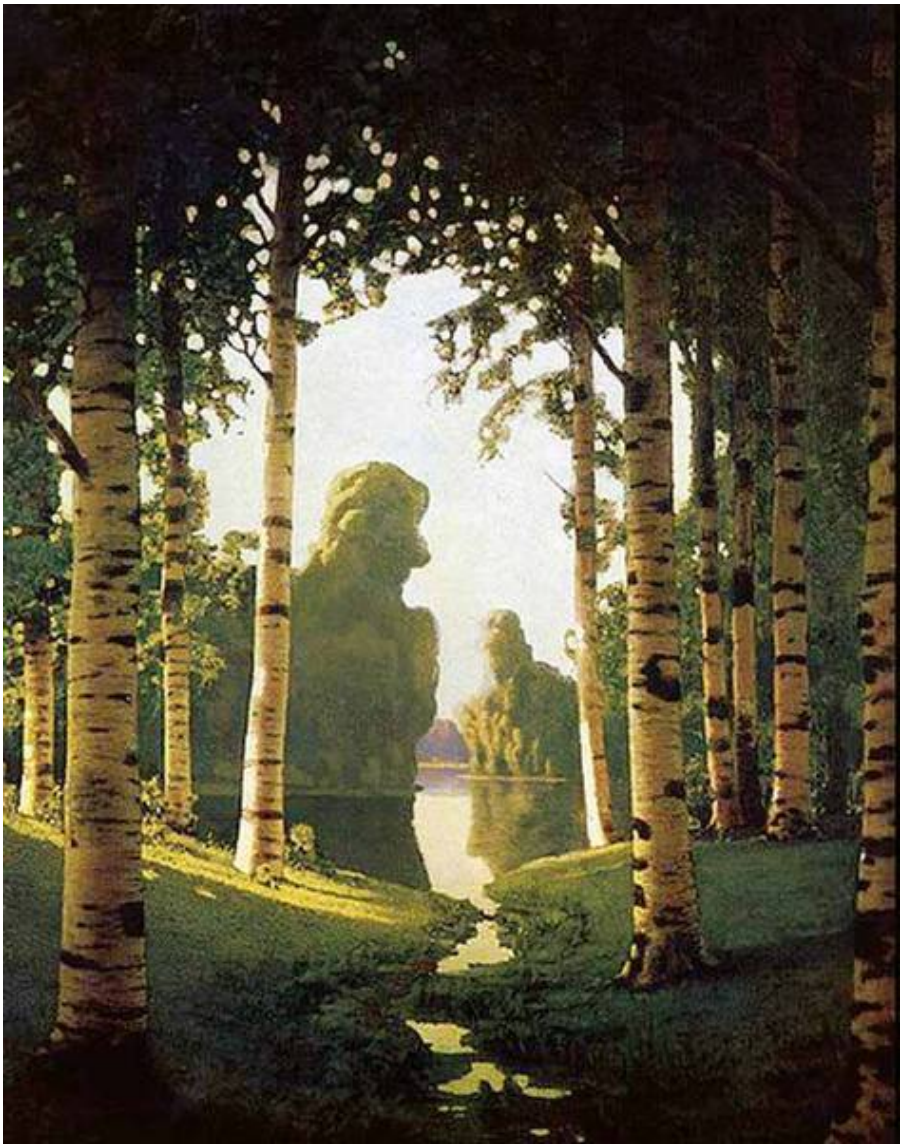
И вот теперь — «Лунная ночь на Днепре».

Невысокий, коренастый, он ходил вразвалочку, тяжеловато, но всегда уверенно. Вьющиеся темные волосы, пышная борода, орлиный нос и живые темные глаза — его облик, весьма колоритный, заставлял вспомнить античные изображения Зевса.

В. М. Васнецов. «Портрет художника А. И. Куинджи»

Детство его было нелегким, и сам художник не любил вспоминать эти годы. Он родился, по всей видимости, в 1842 году (точная дата не известна) в семье грека, сапожника Ивана Куинджи (в его метрике значится Еменджи). Куинджи считал себя русским, но предками называл греков, которые со времен античности населяли Причерноморье, а затем горно-степные районы Крыма. Семья будущего художника жила в предместье Мариуполя Карасевке. В 1845 году неожиданно умер отец, вскоре — мать. Осиротевшие дети жили попеременно в домах брата и сестры Ивана Куинджи. В 10 лет закончились школьные годы Архипа — учился он неважно, зато все время рисовал. Ему

пришлось быть мальчиком на побегушках, ретушером, помощником одесского фотографа, но с малых лет он мечтал стать художником. Узнав от хлеботорговца Дуранте, знакомого его работодателя Аморатти, что в Феодосии, совсем недалеко, живет знаменитый художник Айвазовский, Куинджи отправился к нему, но Айвазовского тогда уже в Феодосии не было, зато там жил А.И Фесслер, слывший лучшим копиистом известного мариниста. По-видимому, именно он преподал Куинджи первые уроки живописи. Двадцатилетний Куинджи решил поехать в Петербург и поступить в Академию, дважды срезывался на экзаменах — по рисунку, но все же поступил: написал картину «Татарская сакля», отдал ее на академическую выставку и победил — его все-таки приняли. Он вообще не любил проигрывать и всегда шел к поставленной цели, твердо зная, что сумеет преодолеть любые трудности.



«Березовая роща»

«Море»

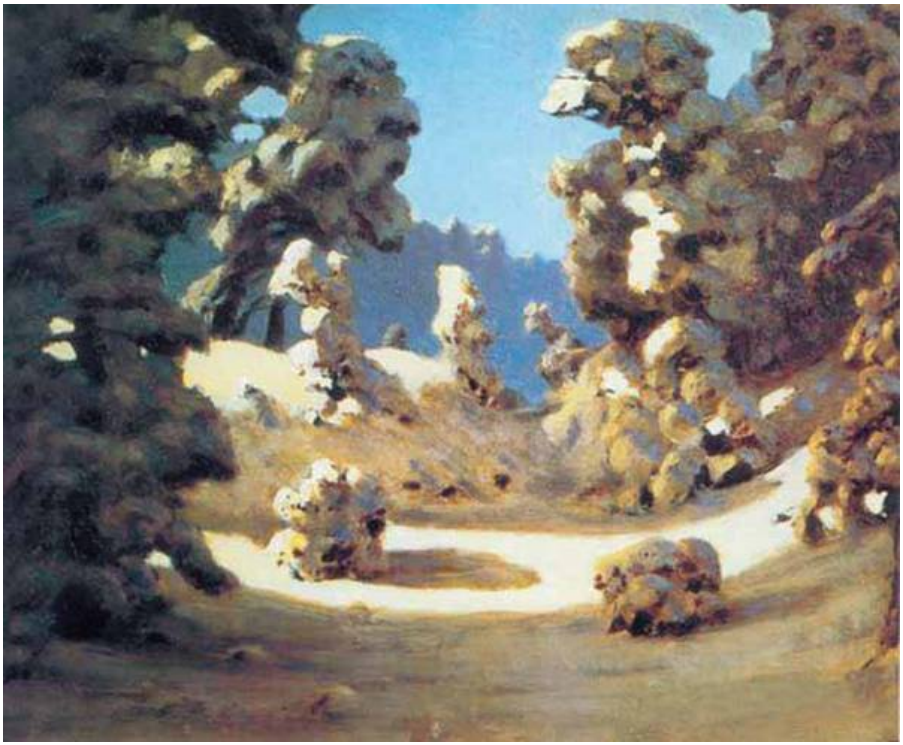
В столице Куинджи оказался в самом центре художественной жизни столицы, познакомился и подружился с Репиным, Васнецовым, вождем передвижников Крамским. Его восхищали работы Сурикова, Маковского, Ярошенко, но он чувствовал — нужно искать свой путь… Вскоре в стенах Академии ему стало душно, тесно, и, дойдя до натурного класса, он оставил своих соучеников и профессоров. Репин позже вспоминал: *«Он был с большими недочетами в образовании, односторонен, резок и варварски не признавал никаких традиций, что называется, ломил вовсю, и даже оскорблял иногда традиционные святыни художественного культа, считая все это устарелым»*.

Куинджи ушел из Академии, зато принес на выставку передвижников картину «Забытая деревня», которую Третьяков — сам Третьяков! — тут же приобрел для своей галереи. У молодого художника было то, что не так часто встречается, — удивительное чувство цвета, оттенков и тонов. Эта его особенность и позволила творить волшебство света и цвета на полотнах.

«Забытая деревня»

В 1875 году он женился — на купеческой дочери гречанке Вере Кетчерджи-Шаповаловой, ставшей ему близким и верным другом.

В 1880 году, в марте Куинджи вышел из Товарищества передвижников. Поводом послужила анонимная статья, появившаяся в газете «Молва». Там было сказано, что Куинджи «перезеленяет» свои картины. Выяснилось, что ее автор — М. Клодт, конкурент и злостный завистник Куинджи. Обидевшись, художник потребовал исключения Клодта из Товарищества, но большинство членов его не поддержали. И тогда из рядов передвижников вышел сам Куинджи. Конечно, эпизод с Клодтом был лишь поводом, главная причина заключалась в том, что романтик Куинджи уже ушел далеко за рамки — идеологические и творческие — движения передвижников, у него всегда был свой путь в искусстве. Творческую свободу он ценил намного больше любых корпоративных интересов.



«Солнечные пятна на инее»

«Ночное»

Куинджи был очень своеобразным человеком, но удивительно добрым ко всему живому. Он обожал птиц — каждый день в полдень, выходил на улицу с мешком корма и кормил слетавшихся к нему со всех сторон пернатых. А в его квартире

была маленькая комната, «птичий лазарет», где жили больные птицы. Он их выхаживал, а потом отпускал на волю.

И, конечно же, прежде всего, любил людей — талантливых, ярких, всегда старался им помочь. Архип Иванович считал, рассказывает в своих воспоминаниях художник-передвижник Я. Минченков, что вся беда капиталистического общества в неправильном распределении средств. Бороться со злом можно только деньгами, а потому нужно накопить их как можно больше, а потом распределять разумно — только так и должно лечить социальные язвы. И Куинджи решил разбогатеть. Успех его картин давал все возможности для этого. Первая его финансовая операция была с недвижимостью. Он нашел дом, который ему понравился, купил, заняв деньги, а потом привел этот дом в порядок и продал в три раза дороже.

И картины он продавал и перепродавал. Собирал, копил деньги, себе и жене оставляя ничтожные суммы — на квартиру и мастерскую, и на остальные расходы по 50 копеек в день. *«Это ….это что же такое? Если я богат, то мне все возможно: и есть, и пить, и учиться, а вот если денег нет, то значит — будь голоден, болей, и учиться нельзя, как было со мной. Но я добился своего, а другие погибают. Это же надо исправить, это вот так, чтобы денег было много, и дать их тем, кто нуждается, кто болен, кто учиться хочет»*. Собрав немалый капитал, он стал тратить средства, и немалые, на помощь бедным, но способным студентам Академии. Посылал их за границу, отправлял больных на курорты лечиться. Когда у него хватило денег на дом в Крыму, он отправился туда и купил громадный участок земли, а сам поселился с женой практически в шалаше. Позже построил там большой дом, где жили и работали его ученики. А еще он внес в академию 100 000 рублей, чтобы проценты с этих денег шли на премии за студенческие работы, причем сам в жюри не участвовал. Студенты (а среди его учеников были Рерих, Богаевский, Рылов и многие другие замечательные художники) его обожали. Недаром родилась такая шутливая песенка: *«Как Куинджи, наш Архип, он за нас совсем охрип»*. Он был не только их профессором, но Учителем жизни. Правда, преподавал в стенах Академии Куинджи недолго (с 1894 по 1897) — он всегда поддерживал студенческие протесты, а потому после одного такого выступления его даже заключили на два дня под домашний арест и выгнали из профессоров. Но членом Академии он оставался, и ученики от него никуда не ушли. Президент Академии, великий князь Владимир, приветствуя членов Академии, всегда подавал им руку, а опального Куинджи обходил. А когда ученики решили создать Общество его имени,

он передал им в собственность все свои картины и деньги, а также участок земли в Крыму.

Архип Куинджи с учениками

В 1882 году, когда, как пишет Минченков, *«слава Архипа Ивановича поднялась до зенита, когда ему все аплодировали, как большому артисту, он вышел на сцену, раскланялся перед публикой и скрылся за занавесом, чтобы больше никогда не выступать. Куинджи как художника не стало, он перестал выставлять свои работы»*. С тех пор он не только не устроил ни одной выставки — он не показал ни одной новой своей работы даже друзьям. *«У меня спрашивают*, — говорил Куинджи, — *почему это я бросил выставляться. Ну, так вот это так: художнику надо выступать на выставках, пока у него как у певца голос есть. А как только голос спадет — надо уходить, не показываться, чтоб не осмеяли. Вот я стал Архипом Ивановичем, всем известным, ну, это хорошо, а потом увидел, что больше так не сумею сделать, что голос стал, как будто, спадать. Ну, вот скажут: был Куинджи, а да не стало Куинджи! Я же не хочу так, а чтобы навсегда остался один Куинджи»*.

Он продолжал работать — в своей мастерской, вдали от людей и суеты, экспериментировал с красками, светом, искал новые композиционные решения. Ужасно боялся повторов, но при этом говорил: «Я всегда буду писать. Ведь я же художник, без этого нельзя. Я могу думать только с кистью в руке, и куда же я дену то, что стоит передо мной в воображении? Куда я от него уйду? Оно же мне не даст жить и спать, пока я не изложу его на

холсте». Однако он так и не осмелился показать результаты своих поисков публике. В его мастерскую разрешалось заходить — да и то очень редко — лишь самым близким друзьям. Выставка его работ будет только посмертной — таково было его последнее слово. Поразительная требовательность к себе! Куинджи ведь был победителем, и проигрывать, даже в своих глазах, не хотел. Оценить его работы, сделанные за почти тридцать лет, удалось только после его ухода. Там было много интересных, ярких работ, но, однако, некоторые критики посчитали, что художник был прав — и действительно, ничего лучшего, чем его картины 1870-начала 1880-х лет, он уже не создал.

В последние годы Архип Иванович тяжело болел. Барахлило его большое доброе сердце. *«Посмотрите*, — говорил он навещавшим его друзьям и ученикам и показывал на свои руки, — *какие мускулы, какая грудь, я еще богатырь, а нет сердца. Плохо»*. Боли его очень мучили, и он жаловался на жизнь. *«Зачем? Я бы еще мог… я бы еще сделал, еще надо много! Тяжко мне, принесите яду»*.

Куинджи умер 11 июля 1910 года. Перед смертью, рассказывает Миченков, он вскочил, выбежал в переднюю и упал, чтобы не подняться больше. Все свое состояние, деньги и участок с домом в Крыму художник завещал Обществу поощрения художников, (именовавшемуся позже Куинджиевским) — для оказания им всяческой помощи. Жене оставлена была лишь небольшая пенсия — 600 рублей в год. Похоронили замечательного русского живописца на Смоленском кладбище. Провожали его в последний путь друзья, ученики, студенты и совсем никому неизвестные люди — те, которым он когда-либо протянул свою большую, сильную, добрую руку помощи. Их было много… А над домом, писал Минченков, *«кружились осиротевшие птицы»*…

«Лунная ночь на Днепре» сегодня хранится Русском музее (авторская копия — в Третьяковской галерее). После той знаменитой выставки одной картины великий князь Константин не желал расставаться с этим полотном ни на миг. Он взял его с собой, даже отправившись в кругосветное путешествие. Тургенев, живший в то время в Париже, когда узнал об этом, пришел в ярость. Он писал Григоровичу: *«Нет никакого сомнения, что картина… вернется совершенно погубленной, благодаря соленым испарениям воздуха и пр.»*. Он даже добился приема у великого князя, когда его корабль стоял в Шербуре, порту на Ла-Манше, и попытался уговорить оставить на время плавания картину в Париже, в галерее Зедельмейера, но князь был непреклонен.

Морской воздух, пропитанный солью, конечно же, повлиял на красочный слой полотна. Пейзаж потемнел, но и сейчас он не оставляет никого равнодушным. Ведь удивительный секрет Куинджи — не только в его фантастическом владении красками, в иллюзии истинного света, которую он создавал так точно и вдохновенно. *«Сами по себе луна или солнце — не предмет для живописи. Но, глядя на такие картины* (имеются в виду картины Куинджи)*, я могу сделаться лучше, добрее, здоровее»*. Наверное, именно в этом и заключается разгадка «Лунной ночи на Днепре» и других полотен замечательного русского художника Архипа Куинджи — они, неся в себе удивительное обаяние этой мощной личности, непонятным, мистическим образом делают нас лучше и добрее, врачуют наши души…